

УДК 316.454.5

© *Николай Левчук**начальник отдела Научно-исследовательского института Вооруженных Сил Республики Беларусь, кандидат политических наук (Беларусь)*© *Nikolai Levchuk**Head of the Department of the Scientific Research Institute of the Armed Forces of the Republic of Belarus, PhD in Political Science (Belarus)**e-mail: 1234_73@list.ru*

СИМВОЛИЗАЦИЯ СМЫСЛОВОГО ПРОСТРАНСТВА ИННОВАЦИОННОЙ ВОЙНЫ: ИНФОРМАЦИОННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

В статье исследуются информационно-политические основания инновационной войны, которые выявляются на фоне символизации ее смыслового пространства. Понятие инновационной войны актуализируется в контексте социодинамики развития форм и способов современного геополитического противоборства, предполагающего использование дестабилизационных стратегий и «удаленное» воздействие на основе инновационных технологий.

Современная война, рассматриваемая в инновационной интерпретации, представляет собой многозначный феномен, особенностью которого является качественное расширение смыслового пространства конфликта. Перефразируя Клаузевица, можно сказать, что это продолжение политики насильственными средствами, включающими весь спектр логически мыслимых форм и способов воздействия на среду противоборства и акторов, в нем участвующих.

Если основной формой войны до начала XXI века была война на истощение, на физическое уничтожение противника — его населения, экономики, вооруженных сил, то сегодня основной формой становится точечное уничтожение «достаточного количества мозгов, или правильных мозгов ... В этом случае ... “воля” обязательно умрет вместе с организмом» [1]. Такой подход является символической отсылкой и к феномену безопасности в инновационной сфере. В связи с постоянно изменяющейся в XXI веке средой безопасности, которая требует непрерывного осмысления, концептуализация инновационной войны приобретает особую актуальность. Это обусловлено не только определяющим влиянием экономики на войну [2], но и возрастающим обратным влиянием эволюции сущности войны на экономику и социум.

Социодинамика развития форм и способов современного геополитического противоборства позволяет актуализировать понятие инновационной войны, характеризующейся столкновением интересов крупных игроков. Один из примеров — т. н. арабская весна, начавшаяся в январе 2011 года выступлениями в Тунисе и перекинувшаяся на Египет, Йемен, Ливию, Алжир, Иорданию, Судан, Бахрейн, Сирию. По составу крупных геополитических игроков, чьи интересы столкнулись в регионе, является беспрецедентной в истории Ближнего Востока и Азии. Значительная часть региона, включающего территорию государств с мусульманским населением — от Марокко до Пакистана и от Казахстана до острова Маврикий в Индийском океане — в последние годы в той или иной степени была подвержена массовым протестам политического характера, что отражает форму реализации модели инновационной войны.

Весьма показательным стало военное вторжение в 2011 году коалиции государств во главе с НАТО в Ливию, закончившееся при активном участии оппозиционных сил трансформацией ее политического строя. По замыслу следующей в «листе ожидания» была Сирия: финансовая и организационная поддержка западным сообществом выступлений незаконных вооруженных формирований в этой стране свидетельствует о том, что дестабилизационная стратегия по-прежнему остается главным инструментом достижения геополитических целей. Однако решительная позиция ее законного руководства, легитимная поддержка Россией его действий впервые в Новейшей истории разрушили опробованный в других странах алгоритм свержения законных правительств.

В рамках инновационной войны произошла трансформация сущности вооруженной борьбы, которая заключается в том, что целью военного конфликта становится не завоевание территории противоборствующей стороны, а «разгром “бесконтактным” способом с применением высокоточных средств поражения экономического потенциала любого государства, на любом удалении от противника» [3, с. 34]. Военные конфликты нового типа, регламентируемые социальными системами символического насилия, стали неотъемлемой частью реализации дестабилизационных стратегий, которые также можно отнести к «бесконтактным» средствам инновационной войны.

Для раскрытия сущности таких стратегий военный ученый Е. Э. Месснер в середине прошлого века предложил понятие мятежевойны [4, с. 561]. Она позволяет рассматривать серию «цветных» революций начала XXI века как форму символического насилия, при которой общественное сознание стало особым «театром военных действий», интегрированным в сетевую структуру информационного пространства. То есть само по себе применение вооруженного насилия все чаще становится последним, но не самым важным актом в противостоянии отдельных государств и коалиций. Информационная составляющая стала важнейшим компонентом военных действий в современном мире, а

сами военные действия запускают дестабилизационный механизм управления массовыми информационными процессами.

Новейшая коммуникативная (твиттерная) революция актуализировала новые (инновационные) медийные платформы в качестве ключевого инструмента реализации дестабилизационных стратегий, которые являются неотъемлемым атрибутом смыслового пространства инновационной войны. Качественное изменение модели функционирования смыслового пространства, приобретающего ярко выраженный сетевой характер, в постиндустриальном обществе неразрывно связано с обострением геополитической конкуренции и борьбы за природные ресурсы. Активное использование информационно-коммуникационных технологий в качестве инструмента такой конкуренции стало одним из символических атрибутов постиндустриального общества.

Геополитические возможности в региональном и глобальном соперничестве сегодня определяются не только размерами и расположением территории, богатством природных ресурсов, количеством населения. На современном этапе экономические, научно-технические, военные, коммуникационные возможности страны в большей степени зависят от ее совокупного информационного ресурса, уровня развития информационной инфраструктуры и информационно-психологической защищенности. Глобальное соперничество в экономической, научно-технической, социокультурной и военной областях все больше концентрируется в сфере управления информационными процессами [5], формируя смысловое пространство инновационной войны.

Подчеркнем, что современные средства массовой информации по результативности воздействия стали фактически инструментом массового психологического подавления и даже поражения. Информационно-психологическое воздействие способно не только обеспечить успех в вооруженном противоборстве, но и во многих ситуациях достичь сопоставимого результата без применения вооруженного насилия. Более того, сами военные действия запускают механизм управления массовыми информационными процессами в ходе реализации коммуникативной стратегии дестабилизации. Ее составляющими являются политическая, экономическая, информационная и другие виды невооруженной борьбы, которые, в сущности, эквивалентны широкому использованию насильственных средств (кроме боевых) как в мирное время, так и на всех этапах возникновения и развития конфликтных ситуаций. Именно выведение насильственных средств за рамки войны (в традиционном ее понимании) послужило основанием и основной причиной попыток пересмотра сущности и содержания современной войны: мощное экономическое, политическое, дипломатическое, информационное давление в сочетании с угрозой применения военной силы, ставшие инструментами стратегической нестабильности, многими авторами отождествляются с войной.

Для ответа на вопрос, правомерно ли такое отождествление, необходимо уточнить существующую линейку эскалации противоборства между субъектами политических отношений и выделить особой стадии (степени), характеризующей резкое обострение конфликта между субъектами политики. Такое обострение, характеризующее резким возрастанием остроты всех видов борьбы (кроме вооруженной) до уровня, соответствующего военному конфликту, а также военного противостояния, очень схоже с состоянием войны. Отличие только в одном — в отсутствии вооруженной борьбы. Другими словами, это как бы война (квазивойна), но без ведения вооруженной борьбы. То есть смысловое пространство инновационной войны характеризуется столкновением интересов геополитических игроков.

В линейке эскалации противоборства между субъектами политических отношений инновационная война занимает место между конфликтом и военным конфликтом. Под ней подразумеваются политический, экономический, информационный, психологический виды борьбы, которые в рамках технологий постиндустриального общества объединяют сетевой характер средств и способов действий. В отличие от квазивойны инновационная война может перейти в горячую фазу. Поводом для нагнетания напряженности и оправдания последующего применения военной силы, как правило, являются сообщения о жертвах среди мирного населения.

В Ливии воздушная наступательная операция стала основным элементом в стратегии коалиционных сил НАТО. За счет технологического превосходства коалиционные войска дезорганизовали систему ПВО Ливии и завоевали господство в воздухе, что в итоге предопределило исход ливийских событий. Информационное доминирование, достигнутое в ходе вторжения в Ливию, впрочем, как и в ходе других аналогичных операций по свержению режимов, предполагает далеко не только инновационно-технологическое превосходство. Речь в первую очередь идет о завоевании символического пространства сферы смыслов. Формы насильственных действий в смысловом пространстве инновационной войны всегда структурируются символическими системами, а дестабилизация сопровождается символической делигитимизацией, что в классическом виде проявилось в ходе югославской кампании, в которой символическое насилие сопровождалось насилием вооруженным, когда впервые после Второй мировой войны на Европейском континенте была применена военная сила коалиции государств против суверенного государства с целью трансформации его политической системы, что само по себе тоже символично.

Это была одна из первых в Новой истории инновационная операция по изменению политической системы в отдельно взятой стране «бесконтактным» способом: с применением военной силы — высокоточного оружия и ВВС, но без проведения сухопутной операции. Политическим технологам в смысловом пространстве удалось сконструировать соответствующую дестабилизационным

задачам публичную сферу. Пропагандистская машина, обслуживавшая вторжение сил НАТО в Югославию, была подчинена оправданию агрессии в контексте символики борьбы за «права человека» и развития «гражданского общества».

Планируемый результат достигнут благодаря целенаправленной организации процесса стратегического управления массовыми информационными процессами в контексте символизации смыслового поля, когда подавлялись любые диссонансные проявления, разрушающие сконструированную символическую систему. Так, «стоило корреспонденту Би-Би-Си в Белграде передать репортаж о разрушенных американскими авиабомбами школах, больницах, страданиях мирных граждан, как министр иностранных дел Великобритании публично отчитал его и назвал «соучастником Милошевича». Потери американских военнослужащих тщательно скрываются до сих пор. Кроме того, американская авиация бомбила югославские средства информационного вещания. Более 40 % процентов радио и телевизионных передатчиков, ретрансляторов Югославии было выведено из строя или повреждено» [7, с. 246], что следует оценивать в качестве организационного обеспечения процесса символического насилия.

Западный опыт показывает, что цель символизации в смысловом пространстве инновационной войны — оправдание военной агрессии и запуск разрушительных социальных механизмов. Например, в 2003 году вторжение в Ирак войск западной коалиции оправдывалось поисками оружия массового поражения, которое так и не было найдено. В ходе вооруженного конфликта в Сирии стали уже симптоматичными попытки обвинить правительственные войска в применении химического оружия. Так, сообщения западных СМИ о «химической атаке в Сирии» едва не привели к разрастанию конфликта в Ближневосточном регионе, связанного с вероятной сухопутной интервенцией в САР войск коалиции во главе с США.

Мы считаем, что обвинения в адрес правительства Б. Асада в применении 21 августа 2013 г. химического оружия в районе Восточной Гуты близ Дамаска против мирных граждан не нашли достаточного подтверждения. У экспертного сообщества практически сразу после события появились обоснованные сомнения в правдивости сообщений о химической атаке. Так, группа специалистов под эгидой «Международного института за Мир, Справедливость и Права человека» опубликовала специальный доклад, анализирующий видеокадры и показания свидетелей об атаке с использованием химического оружия в районе Восточной Гуты. Доклад был представлен в Совет по правам человека ООН и распространен среди иностранных дипломатов. Проведенный анализ 35 различных видеосюжетов якобы имевшего место инцидента позволил выявить целый ряд несоответствий и манипуляций.

Военно-политическому руководству в Сирии удалось противостоять дестабилизационному сценарию, и это первый случай подобного рода в новейшей истории. С другой стороны, ставший хрестоматийным пример Югославии сви-

детельствует о том, что в этой стране руководство опрометчиво позволило развить внешним силам на своей территории организационные возможности для реализации инновационных технологий управления массовыми информационными процессами, что привело к дестабилизации социума и трансформации политической системы. Последующее десятилетие прошло под знаком цветных революций, технологии которых изначально были апробированы именно в Югославии, где государственные структуры были переиграны, в первую очередь на символическом поле.

Основные цели символизации заключались в формировании позитивного для агрессора внутреннего и международного общественного мнения. На оперативно-тактическом уровне цели информационной кампании сводились к дестабилизации внутривнутриполитической обстановки. Символическое насилие в контексте дестабилизационной стратегии, как правило, предваряет, а впоследствии само базируется на реальных событиях насильственного характера. Кто сумел навязать свою интерпретацию событий, тот достигает информационного доминирования. Социальная роль символического насилия состоит в том, чтобы ослабить волю к сопротивлению у объектов воздействия, но в первую очередь обосновать применение средств вооруженного насилия.

Символизация смыслового пространства инновационной войны происходит на фоне перепрограммирования легитимности и революционной трансформации политических систем. Инновационная война позволяет рассматривать серию цветных революций начала XXI века как форму символического насилия, при которой общественное сознание стало особым «театром военных действий», интегрированным в сетевую структуру смыслового пространства. Геополитические цели инновационной войны достигаются в большей степени при помощи информационно-политических инструментов.

Список основных источников

1. Радиков, И. В. Новая сущность войны в XXI веке и ее отражение в военной доктрине Российской Федерации / И. В. Радиков // Вестник СПбГУ. Сер. 6. – 2015. – № 2. – С. 39–51.
2. Гребеник, В. В. Современные методологические основы обеспечения взаимосвязи экономической и военной безопасности ядерного государства [Электронный ресурс] / В. В. Гребеник // Наукоеведение. – 2013. – Режим доступа: naukovedenie.ru/PDF/27evn213.pdf. – Дата доступа: 08.02.2018.
3. Слипченко, В. И. Войны шестого поколения: Оружие и военное искусство будущего / В. И. Слипченко. – М. : Вече, 2002. – 384 с.
4. Месснер, Е. Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е. Э. Месснера / Е. Месснер. – М. : Военный университет, Русский путь, 2005. – 696 с.
5. Сидорский, С. С. Государственная программа и механизмы инновационного развития Республики Беларусь / С. С. Сидорский // Проблемы управления. – 2007. – № 1. – С. 4–14
6. Панарин, И. Н. Технология информационной войны / И. Н. Панарин. – М. : КСП+, 2003. – 320 с.

Symbolization of semantic space of innovative war: information and political bases

Symbolization of semantic space of innovative war happens against the background of reprogramming of legitimacy and revolutionary transformation of political systems. Innovative war allows to consider a series of color revolutions of the beginning of the 21st century as a form of symbolical violence at which public consciousness became the special «battlefield» integrated into network structure of semantic space. The geopolitical objectives of innovative war are achieved more by means of information and political tools.